

ВОСТОЧНАЯ ТЕМА В АРХИТЕКТУРЕ УСАДЕБ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ В КРЫМУ

Мария Нащокина

И.К. Айвазовский. Гурзуф. Дом с террасой. 1843. Холст, масло. 25х33. Национальная картинная галерея имени И.К. Айвазовского. Феодосия

Взаимосвязь архитектуры русских усадеб в Крыму с местными архитектурными особенностями представляет несомненный интерес не только для истории архитектуры, но и для понимания более общей проблемы – взаимодействия русской культуры с культурами народов России. Истоки интересующего нас вопроса восходят ко времени присоединения Крыма к России, когда русское правительство в первых же законодательных актах, касавшихся вновь приобретенных земель, обещало новым подданным «охранять и защищать их лица, имущество и веру», а также «сохранить в неприкосновенности правовой порядок новой провинции»¹. Эти дальновидные решения на столетия предопределили общую направленность политики России в отношении новых земель, заложившей основы бесконфликтного сосуществования местного татарского, греческого, болгарского и пришедшего русского населения. Манифест 1783 года разрешил раздачу в Крыму только пустопорожних земель, которых было достаточно много. Так на полуострове появились имения русской аристократии и начался долгий и плодотворный процесс его культурного освоения и адаптации к реалиям России².

Первые русские усадьбы на Южном берегу Крыма и в районе Ак-Мечети (Симферополя) появились к рубежу XVIII–XIX веков, а период 1820–40-х годов исследователи считают временем расцвета помещичьей колонизации полуострова³. Уже этот первый период широкого усадебного строительства был отмечен стремлением поддержать, а чаще развить местный восточный колорит. Это желание не было заданным или программным, но романтизм эпохи, с ее вниманием ко всему далекому и легендарному, и сохранявшееся своеобразие Крыма сами подталкивали владельцев к мечтам о пестрых восточных дворцах, чарующих садах и жгучих тайнах сералей, о чем можно судить хотя бы по пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану».

Уловив это настроение русской знати, первые приглашенные архитекторы Ф. Эльсон и К. Эшлиман немало строили в условном «турецком» стиле, наследовавшем некоторые особенности «тюркери» екатерининского времени, но постепенно начинавшем включать элементы местного архитектурного языка. Достаточно перечислить их произведения, чтобы увидеть распространенность этой стилистической тенденции в Крыму. Постройки в Бахчисарае (фонтан, 1825), Ореанде, Азиатский павильон (старый дворец, 1824–1828) в Алушке, затем и новый дворец по проекту архитектора Э. Блора (строил В. Гунт (Хант), 1832–1848),

почтовые станции в Алуште и Ялте, дом Л.С. Потоцкого в Ливадии, дом П.С. Палласа около Симферополя, «псевдотатарские» дачи с галереями М.А. Нарышкиной в Мисхоре и Д.Е. Башмакова в Мшатке, дом генерала Н.Н. Раевского в Карасане (1839) в мавританском стиле, дом Н.Ф. Нарышкина в Симеизе и другие⁴. Даже дом герцога А.Э. де Ришелье, бывшего тогда генерал-губернатором Новороссийского края, возведенный в 1808–1811 годах и считавшийся вплоть до 1830-х годов чуть ли не единственным европейским строением на всем южном побережье, Пушкин назвал «замком в каком-то необыкновенном вкусе», а по свидетельству очевидцев и в нем были использованы характерные черты восточного дворца: внешние галереи, глубокие навесы кровли и т. д.⁵ Восточный облик получил даже собор Св. Иоанна Златоуста в Ялте, возведенный в 1833–1837 годах по проекту И. Торичелли (строил К. Эшлиман).

Этот немного искусственный «мусульманский», или «азиатский» стиль (его называли и тогда, и позднее по-разному) в первой половине XIX века стал очень популярен в среде русской аристократии в Крыму. Современники описывали, что в 1830-х годах по дороге из Ялты в Алушку стояли многочисленные дворцы в «азиатском вкусе», трубы которых были похожи на минареты⁶. Стилизация касалась не только внешнего облика построек, но

Дворец Дюльбер в Кореизе. Фотография автора. 2014

Ворота Бахчисарайского дворца. Фотография автора. 2014

и отделки некоторых жилых интерьеров – их резные раскрашенные потолки, видимо, непосредственно подражали местным резным потолкам XVII–XVIII веков, тогда еще кое-где сохранявшимся в зажиточных татарских домах Бахчисарая, Евпатории и Карасубазара⁷.

Эти факты красноречиво говорят о сразу обнаружившей себя поразительной культурной восприимчивости новых русских насельников Крыма, готовых не просто подчиниться местным традициям, но внимательно изучать их и развивать. Конечно, заглавная роль в этом процессе принадлежала русской аристократии. Начиная осваивать Тавриду, просвещенная элита России не только с восхищением оценила дивную красоту ее природы, но бережно и с неподдельным интересом отнеслась к местной, еще преимущественно мусульманской культуре, обычаям и художественным традициям крымских татар и караимов.

Особенно русских наблюдателей привлекали своей необычностью татарские деревни и жилища, и они их подробно и с удовольствием описывали: «Здесь татары вообще для своих селений предпочитают избирать такие местности, где бы можно было прислонять дома к горе и располагать их по скату, в виде амфитеатра. Таким образом, жилища сельских татар обыкновенно имеют только три стены, а четвертую составляет самая гора... Кровля у них плоская, образующая террасу, всегда устроенную так, что она не пропускает сквозь себя воды. Терраса эта постоянно содержится в чистоте; на ней татарский крестья-

нин сушит свои плоды и зерновой хлеб; здесь он наслаждается прохладой вечернего воздуха, беседует со своими друзьями и соседями; отсюда он наблюдает за всем, что происходит вдали, высматривает, на кого лают его верные псы. Эта терраса существенно составляет весь его дом»⁸.

Русские помещики, подхватывая местный восточный колорит, вовсе не мечтали оказаться в конкретном или аналогично устроенном татарском доме, скорее, они пытались добавить в местный пейзаж недостающие восточные дворцы, которые восстанавливали бы привычную для них российскую пространственную и сословную иерархию – богатая усадьба в виде дворца и окружающие ее деревни. К тому же в первой половине XIX века преобладало еще весьма схематичное и обобщенное представление о местной традиции как о части обширного и неделимого для русского восприятия того времени мусульманского мира. Вот почему тонкие наблюдения путешественников воплощались в архитектуре

Фонтан слез в Бахчисарайском дворце. Фотография автора. 2014

Южный фасад Воронцовского дворца в Алушке. Фотография автора. 2014

первых крупных южнобережных поместий не буквально, а опосредованно – в архитектуре с помощью немногих приемов условно обозначалась ее «восточная» принадлежность, вполне достаточная для того, чтобы владельцы ощутили себя в привлекательной роли восточных наместников.

К примеру, самое известное сооружение Крыма первой половины XIX века – Алушкинский дворец ориентирован, безусловно, не на местные архитектурные прообразы, а на стилизационные «восточные» постройки Европы 1820–30-х годов, особенно Англии, преуспевшей в те годы в создании разных вариантов доселе невиданного «индийского» стиля, и на сказочно прекрасные мавританские дворцы Испании. Некоторая сухость трактовки стен (английская!) в сочетании с готическими по рисунку рамами окон, цитировавшими современную английскую архитектуру, венчали башенки и каминные трубы, завершенные экзотическими восточными луковками, по всей видимости, навеянными архитектурой Индии. Кроме того, дворец обращен к морю выразительной лоджией, которая красноречиво называется «Альгамбра» (!), в декор ее стен вплетена арабская надпись: «Нет победителя кроме Аллаха» (!). Любопытно, знали ли владельцы ее перевод, или надпись оказалась здесь исключительно как убедительная деко-

ративная деталь, скопированная с выбранного прототипа.

Однако стилистический набор источников этим не исчерпывается, местный колорит в Алушкинском ансамбле тоже присутствует. И это не только темный камень диабаз, из которого возведен дворец и который в изобилии украшает парк. Светлейший князь М.С. Воронцов, несомненно, старался подчеркнуть архитектурную связь своего поместья с местным зодчеством. Восточные формы его дворца, окруженного со стороны моря легкими открытыми галереями и имевшего кровли с большим выносом, все же придавали усадьбе крымскую образную специфику, ощутимую не только для европейца. Эти детали словно «укореняли» воронцовский дворец в крымскую землю. Пестрый по источникам форм дворец, тем не менее, получился очень цельным и убедительным по образу, что сделало его в дальнейшем еще одним привлекательным образцом для подражания. Кстати, именно открытые галереи второго этажа и крыши большого выноса, опробованные в Алушке, стали наиболее популярны в восточных стилизациях в Крыму в дальнейшем.

Развивая местную архитектурно-стилистическую специфику, светлейший князь Воронцов выстроил в Алушке для местных жителей (в большинстве своем татар) новую красивую

мечеть⁹ в том же воображаемом «мусульманском» стиле, который имел мало общего как с подлинным крымско-татарским зодчеством, так и с классической русской архитектурой.

Ансамбль Алушкинского дворца положил начало и еще одной «местной» традиции, широко распространившейся в крымских усадьбах на протяжении XIX века. Здесь в память об А.С. Пушкине в 1849–1851 годах был устроен фонтан «Мария» (арх. В. Гунт), копирующий в общих чертах известный Бахчисарайский фонтан слез. Подобные фонтаны (пристенные «себиль» и отдельно стоящие), варьировавшие восточные декоративные орнаменты и детали, стали с середины XIX века неотъемлемым и любимым атрибутом большинства русских усадеб в Крыму – они сохранились в Алушке, Ливадии, Меласе и в других усадьбах.

Попробуем подытожить основные мотивы первого полувекового периода русского зодчества в Крыму. Итак, получив земли на полуострове, русская аристократия начала довольно последовательно дополнять местный колорит недостающими, по ее мнению, сооружениями – богатыми усадьбами с парками и христианскими храмами. Конечно, русские усадебные постройки имели гораздо более репрезентативный характер, чем скромные татарские жилища, однако в глазах своих владельцев они сохраняли с ними определенную связь – новые восточные дома русских помещиков задумывались и выглядели как новые дворцы местных «ханов». В первой половине

и середине XIX века в усадебной архитектуре Крыма получают распространение открытые галереи и глубокие карнизы восточного типа, заимствованные из местной архитектурной традиции, а также характерные восточные фонтаны, в живом интересе к которым немалую роль сыграла поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

Нельзя не подчеркнуть, что с самого начала роль архитектурного образца, с течением времени все более и более конкретного, начинает играть Бахчисарайский ханский дворец – единственный сохранившийся турецко-татарский дворцовый архитектурный ансамбль XVI–XVIII веков, включавший помимо разнообразных и ярко раскрашенных татарских построек с живописными деревянными кровлями и одну европейскую древность – уникальный резной белокаменный портал XVI века, по преданию сделанный итальянским зодчим Алевизом по дороге в Московию. Вполне органичное соединение ренессансной уники с сугубо восточным колоритом утверждало возможность существования восточной экзотики и в современных дворцах русских аристократов. Уникальный по масштабу и художественной ценности архитектурный памятник местной культуры оказался в полной мере ключевым для всей истории русского зодчества Нового времени в Крыму, его разнообразные декоративные и архитектурно-стилистические истины оказались востребованы в архитектуре полуострова на протяжении всего XIX и в начале XX века.

Зимний сад в восточном стиле в усадьбе Мелас. Фотография автора. 2002

С первых десятилетий русского усадебного строительства в Крыму была заложена и топонимическая традиция, базировавшаяся на местных названиях. Большинство усадеб получили имена по сохранным татарским названиям близлежащих деревень и урочищ. Благодаря этому крымский берег сохранил свою привычную геофотопонимическую структуру: Ялта, Мисхор, Гурзуф, Массандра, Олейз, Симеиз, Ай-Тодор, Ай-Диниль и т. д. Ее отчетливый восточный колорит в дальнейшем подхватили и названия новых усадебных ансамблей: Дюльбер (тюрк. – прекрасный, великолепный), Коккоз (тат. – голубой глаз), Кичкине (тат. – малютка), Суук-Су (крымско-тат. – холодная вода), Карасан Н.Н. Раевского, участника короткой войны с Персией за освобождение Грузии, – Хорасан (персид. – восход солнца, восток) – историческая область¹⁰ и культурная столица Персии, родина Омара Хайяма, Фирдоуси, Ибн Сины и других выдающихся литераторов и ученых.

Начало следующего этапа освоения восточных форм в архитектуре крымских усадеб связано с именем петербургского зодчего и театрального декоратора И.А. Монигетти, служившего архитектором высочайшего двора и царско-сельских дворцов. Еще в 1852 году он построил известный царско-сельский павильон Турецкая баня, был автором пышных восточных декораций к первой петербургской постановке балета «Баядерка». Однако в Крыму Монигетти не стал повторять пройденное и создал новый оригинальный, по сути местный архитектурный стиль, напрямую основанный на стилизации Бахчисарайского дворца. Сам Ипполит Антонович не раз подчеркивал, что строит здания в «татарском вкусе» или «во вкусе татарской избы»¹¹. Некоторые его усадебные здания в перестроенном виде сохранились в Кореизе, но наиболее ярким произ-

Малый дворец в Ливадии. Открытка. Начало XX в.

Дворец Кичкине в Кореизе. Открытка. 1920-е гг.

Доходный дом К.П. Коробьина в Симеизе. Открытка. Начало XX в.

Приморский ресторан в Севастополе. Открытка. Начало XX в.

Ворота усадьбы Дюльбер в Кореизе. Фотография автора. 2014

ведением, безусловно, был Малый дворец и некоторые служебные постройки в Ливадии, в 1860 году ставшей новой императорской резиденцией.

Малый дворец (1862–1866), предназначенный для великих князей, запомнился прежде всего своим подчеркнуто татарским обликом – выразительными округлыми кровлями разной высоты и большого выноса, галереями-балконами и резными гребнями на крышах. Его общий облик и детали непосредственно адресовали воображение зрителя к Бахчисарайскому комплексу. В «татарском» стиле был выстроен и Министерский дом в Ливадии, дополненный живописными вставками и характерными орнаментами на стенах, которые также можно было легко сопоставить все с тем же уникальным прототипом. В те годы в Ливадии появились и другие восточные элементы: оригинальная «Турецкая» беседка над аллеей и фонтаны – «Мария», «Ливадия», «Мавританский».

Изучение культур местных народов отражалось не только в крупных комплексах членов императорского двора, но и в мелкой и средней усадебной и дачной архитектуре полуострова второй половины XIX – начала XX века, где получил распространение тип постройки, вобравший в себя некоторые наиболее заметные местные особенности: многоуровневость (учет горного рельефа), открытые веранды, глубокие козырьки крыш, частое использование каменной кладки или фактуры камня (нередко выполнялась в технике каменной штукатурки), восточные абрисы окон и дверных проемов. Эта универсальная «восточная» архитектура была достаточно

широко распространена в Крыму. Именно в эти годы начинает складываться удивительный феномен, который в начале XX века Вернон Ли, а за нею Николай Андиферов назовут *Genius loci* – пониманием «гения места». Русская архитектура Крыма того времени не просто следует в фарватере общего европейского течения, а начинает как бы дополнять эти южные земли все новыми «восточными» постройками.

В 1890-е годы были проведены первые серьезные исследования и обмеры Бахчисарайского дворца – фактически единственного хорошо сохранившегося памятника местной архитектуры. Тогда появились первые публикации о знаменитой постройке¹², а в 1900 году во дворце начались реставрационно-восстановительные работы. Среди членов научно-художественной комиссии по реставрации ханского дворца были такие крупные фигуры, как историк Н.П. Кондаков и архитектор Н.П. Краснов¹³, проект которого был положен в основу реставрации. Эти работы вновь оживили интерес к подлинной архитектуре крымских татар, что не замедлило проявиться в усадебном строительстве.

С именем выдающегося крымского архитектора Николая Петровича Краснова связан последний, очень яркий и самобытный этап русского усадебного зодчества в Крыму. Ему удалось сказать новое слово в «восточном» направлении крымской архитектуры. В 1890-х годах, пристраивая помещение Зимнего сада к усадебному дому А.И. Кузнецова в Меласе, Н.П. Краснов создал новую миниатюрную, пронизанную светом и солнцем веранду – восточную сказку¹⁴. К самому началу XX века от-

Дача в Симеизе. Фотография автора. 2014

носится работа Краснова в имении В.И. Березина и О.М. Соловьёвой Суук-Су. В 1900–1903 годах, возводя здесь довольно помпезное и эклектичное здание курзала, он отделал в мавританском стиле роскошный вестибюль. Еще одной восточной фантазией мастера стал великокняжеский дворец Дюльбер.

Этот обширный дворцовый комплекс близ Мисхора был заказан великим князем Петром Николаевичем – путешественником и художником-любителем, увлеченным культурой народов Ближнего Востока, Египта и Магриба. Великий князь сам сделал несколько первых эскизов будущего дворца, поручив его строительство Н.П. Краснову¹⁵. Здание, сооруженное в 1895–1897 годах, получилось необыкновенно выразительным, поражающим простотой и цельностью облика. Здесь почти не было многодельных восточных орнаментов, прихотливых и пестрых майоликовых ковров – белые гладкие стены и стильно нарисованные окна восточного типа, иногда обведенные заглубленными наличниками. В силуэте доминировали четыре характерно восточных ребристых купола. Историк Н.П. Кондаков, обычно не интересовавшийся архитектурными новинками, написал о дворце статью, в которой пытался интерпретировать его стилистику: «Трудно было бы определить, в каком собственно стиле это сооружение построено... Но т. к. главные декоративные части: входы, террасы, плоские крыши, покрытия куполов, боковая башня, форма дверей и окон и вообще всякая орнаментальная часть дворца напоминает сарацинские здания Египта и Сирии, то можно было бы без особой погрешности назвать дворец “арабским” или, вернее... сарацинским. Этот стиль издавна составляет

предмет изучения для самого высокого владельца Дюльбера как стиль необыкновенно оригинальный, глубокий, полный поэтического изящества...»¹⁶.

Стоит добавить, что восточный образ, созданный Красновым в Дюльбере, получился столь убедительным, что сам по себе стал объектом стилизации в приморских особняках и дачах. Самым значительным из них в художественном отношении стал миниатюрный дворец великого князя Дмитрия Константиновича в Кичкине, построенный в 1912–1914 годах по проекту ялтинского городского архитектора Н.Г. Тарасова, выпускника С.-Петербургского института инженеров путей сообщения¹⁷. Если в интерьерах дворца сочетались разные исторические стили¹⁸, его общий облик развивал те же арабо-сарацинские мотивы, что и Дюльбер. Впрочем, высокий бельведер в виде островерхого минарета вызывал и отчетливо местные ассоциации.

Совершенно иным по характеру и стилю, но также восточным по прототипам стал Охотничий домик князей Юсуповых (1908–1910) в их горном имении Коккоз. Охотничий домик априори более скромная постройка, чем репрезентативные южнобережные дворцы, в том числе самих князей Юсуповых. Н.П. Краснов взялся за этот заказ во время реставрации Бахчисарайского дворца, который и стал стилистическим образцом для нового сооружения. В его архитектурных формах нашла отражение уютная камерность, присущая Бахчисарайскому комплексу. Просторная, но скромная по отделке деревянная галерея обводила основной объем по второму этажу и венчала смотровую башенку. Все части комплекса покрыли майоликовой черепи-

Охотничий домик князей Юсуповых в усадьбе Коккоз. Фотография автора. 2002

цей, напоминавшей старую татарскую. В стену башни вмонтировали нарядную декоративную надпись арабской вязью. Даже убранство интерьеров юсуповского дома вторило Бахчисарайскому дворцу: мебель была скопирована со старинной татарской, окна столовой украшали витражи с восточной орнаментикой, на полах лежали ковры, диваны и кресла покрывали восточные ткани¹⁹. Посетивший усадьбу император Николай II назвал стиль сооружения «старым татарским» и вполне оценил его красоту и оригинальность²⁰.

В орнаментике Охотничьего домика был широко использован стилизованный «голубой глаз» – изобразительный эквивалент его татарского названия. Название, думается, родилось не случайно – княгиня З.Н. Юсупова, одна из

самых красивых женщин своего времени, была голубоглазой. Таким цветом глаз она наделила и своего младшего сына Феликса – будущего владельца Коккоза. «Голубой глаз» украшал пристенный майоликовый фонтан, оконницы окон, смотрел с витражей и даже был вплетен в восточную орнаментуку столового серебра. Помимо Охотничьего домика по заказу Юсуповых в том же старотатарском стиле Краснов возвел в близлежащей деревушке караван-сарай (постоялый двор) и мечеть.

Еще более оригинальной интерпретацией татарского архитектурного наследия Крыма в начале XX века стала усадьба Я.Б. Жуковско-го Новый Кучук-Кой, расположенная между Симеизом и Форосом. Переработанные татарские архитектурные мотивы можно обна-

Фрагмент трафаретной росписи в столовой усадьбы Коккоз. Фотография автора. 2002

ружить, приглядевшись к формам главного дома. Его уникальная, не имеющая близких аналогов композиция, органично сочетала упрощенные, близкие к древнегреческой архаике мотивы классического зодчества – фронтоны, ступенчатый аттик, портал, с простыми и целесообразными элементами татарского жилища – лестницами, навесами, верандами. Татарские черты несли и элементы внутренней отделки дома в Новом Кучук-Кое, самые, на первый взгляд, модернистские. Хотя, по свидетельству историков XIX века, «стены, украшенные живописью, в Крыму... очень

П.С. Уткин. Крым. Новый Кучук-Кой. 1913. 62,5x58. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

редки»²¹, но декоративные росписи с изображением цветов и птиц и надписями существовали, в том числе в Бахчисарайском дворце: «...Древнее жилище ханов все покрыто бесчисленными надписями; нет почти ни одной двери, которая не имела бы своей особенной легенды или своего особенного вензеля, окруженного разными живописными изображениями, представляющими цветы, плоды, разных редких или фантастических птиц, резко выделяющихся от белого грунта стен»²². Легко заметить, что сходным образом были отделаны стены виллы Жуковского, украшенные майоликами с изображениями причудливых ветвей, сказочно больших шишек и ягод.

Образно схожей с главным домом Нового Кучук-Коя была вила художника Л.М. Браиловского²³ – еще один выдающийся памятник русского модерна в Крыму, стиль которого также можно назвать «нео-

татарским». Лапидарный кубообразный объем с двумя открытыми верандами и перголой еще точнее воспроизводил крымско-татарское жилище с его плоской кровлей, глухими наружными стенами и характерной неровной поверхностью стен из крымского песчаника, затертых известью.

Застраивавшийся в начале XX века Симеиз также широко представлял восточную тему. Среди наиболее заметных дач в восточном стиле выделялись постройки Н.П. Краснова – вариацию Дюльбера напоминал доходный дом коннозаводчика К.П. Коробьина, более скромные восточные формы демонстрировала вила И.А. Яцкевича «Эльвира». В Феодосии восточным богатством облика и отделки поражал особняк табачного фабриканта И.В. Стамболи, выстроенный по проекту петербургского архитектора О.Э. Вегенера (1910–1914), дополненный малыми формами в том же стиле, и т. д.

Даже краткий очерк восточной темы позволяет почувствовать ее важность для архитектуры Крыма XIX – начала XX века. Хотя в восточных постройках Крыма можно найти некоторые элементы популярного в Европе мавританского стиля конца XIX – начала XX столетия, основанного на переработке мотивов мусульманской архитектуры Сирии, Египта, Индии или Испании, все же в целом крымская восточная стилистика в гораздо большей степени была встроена в местные архитектурные традиции. Одним из важнейших источников мотивов Востока в зодчестве Крыма стало реальное крымско-татарское архитектурное наследие. В совокупности с другими стилистическими линиями, развивавшимися в архитектуре полуострова в это время – византийской, армянской, итальянской, – восточные мотивы обусловили уникальность и неповторимость облика Крыма, образно утвердив его как перекресток многих культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Блюменфельд Г.Ф. Крымско-татарское землевладение. Одесса, 1888. С. 2.
- ² После присоединения в 1783 году Крыма к России начался длительный процесс его адаптации, как части Российской империи, адаптации хозяйственной, транспортной, военной и, что особенно важно, культурной. Долгая зависимость Тавриды от Турции привела этот некогда цветущий край к нищете и культурной отсталости. (Этот процесс символически завершило массовое переселение местных греков в Мариуполь в 1778 году, вызванное притеснениями со стороны турецких властей).
- ³ Исследователи начала XX века относили к этому периоду расцвет помещичьей колонизации Крыма. (Ширияев С.Д. Усадебная архитектура Крыма 1820–1840 гг. // Крым. 1928. № 2 (8). С. 77).
- ⁴ Там же. С. 78–90.
- ⁵ По воспоминаниям Муравьева-Апостола, «...огромное здание

П.С. Уткин. Вид усадьбы Новый Кучук-Кой. 1913. 48,5x57,5. Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова

состояло из нескольких крылец, переходов с навесами вокруг, а внутри – из одной галереи, занимающей все строение...».

- ⁶ [Демидов А.Н.] Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. М., 1853. С. 287.
- ⁷ Там же. С. 79.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Берндт Э. Альбом всех лучших и достопримечательнейших видов Южного берега Крыма. Одесса-Лейпциг, 1869. С. 59.
- ¹⁰ Область Ирана, известная со времен Сасанидов; включала такие города как Герат, Газни, Кандагар, Нишапур, Мерв, Самарканд и Бухара.
- ¹¹ Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. Симферополь, 2002. С. 48.
- ¹² Кондаков Н.П. О Бахчисарайском дворце и его реставрации // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 6. С. 435–452; Гернгросс В.Н. Ханский дворец в Бахчисарае. СПб., 1912.
- ¹³ Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор высочайшего двора. «Архитектор Краснов – удивительный молодец...». Симферополь, 2003.
- ¹⁴ Предположение о возможном авторстве Н.П. Краснова

принадлежит знатоку крымского усадебного зодчества А.Л. Галиченко.

- ¹⁵ Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁶ Там же. С. 69.
- ¹⁷ Калинин Н., Земляниченко М. Указ. соч. С. 221.
- ¹⁸ В интерьерах дворца сочетались разные исторические стили – арабский в вестибюле и столовой, ампир, Луи XVI и другие.
- ¹⁹ Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Указ. соч. С. 98–99.
- ²⁰ Там же. С. 101.
- ²¹ Радде Г. Крымские татары // Вестник Императорского Русского географического общества за 1856 г. Кн. 6. СПб., 1857. С. 317.
- ²² [Демидов А.Н.] Указ. соч. С. 332.
- ²³ Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1907. Вып. 2. С. 18.

Ключевые слова: Крым, усадьбы русской аристократии, мотивы Востока в архитектуре, Бахчисарай, жилища крымских татар.

Иллюстрации предоставлены автором.